

У меня есть своеобразное животное, наполовину кошечка, наполовину барашек. Это часть наследства, завещанного мне отцом. Однако у меня оно заметно развилось: раньше оно было больше барашком, чем кошечкой. Но теперь у него, скорее всего, поровну от обоих. От кошки — голова и когти, от барашка — рост и фигура, дикие горящие глаза — от обоих, так же, как и короткая, туго прилегающая шерсть, и движения, одновременно припрыгивающие и крадущиеся. В тёплые солнечные дни оно сворачивается калачиком на подоконнике и урчит, на лугу — скачет, как бешеное, с трудом поймает. Оно бежит котов, а на овец пытается напасть. В лунную ночь его любимое место для прогулок — карниз. Оно не умеет мяукать и не терпит крыс. Около курятника оно может лежать, притаившись, часами, но никогда ещё не воспользовалось случаем убить.

Я кормлю его сладким молоком, оно усваивает его с лёгкостью. Оно тянет его долгими глотками сквозь хищные зубы. Конечно же, для детей это целое представление. По утрам в воскресенье — часы посещения. Маленькое животное лежит у меня на коленях, и дети со всей округи толпятся вокруг меня.

Они задают удивительнейшие вопросы, на которые никто не смог бы найти ответ: как это только возможно, что такое животное существует, почему оно принадлежит именно мне, было ли уже когда-нибудь что-либо подобное, и будет ли после его смерти, одиноко ли оно, или у него есть щенки, как его зовут — ну и так далее.

Я даже не пытаюсь ответить, я ограничиваюсь тем, что показываю то, что имею. Иногда дети приводят кошек, а однажды они даже привели двух овец. Но вопреки их ожиданиям, сцен узнавания не произошло. Животные спокойно смотрели друг на друга глазами животных и, видимо, принимали существование друг друга как божью волю.

У меня на коленях животное не ведаёт ни страха, ни жажды погони. Лапаясь ко мне, оно чувствует себя лучше всего. Оно льнёт к семье, воспитавшей его. Наверное, это не какая-то особая преданность, а безошибочный инстинкт животного, у которого на всей земле не сыщется ни одного кровного, а только далёкие родственники, и для которого поэтому свята даваемая нами защита.

Иногда я не могу сдержать смеха, когда оно меня обнюхивает, пролезает между ног и не желает со мной разлучаться. Мало того, что оно состоит из барашка и кошки, оно, к тому же, почти собака. — Однажды когда я, как это может случиться с каждым, не мог найти выхода из затруднительного положения дел и всего с ними связанного, когда я уже совсем собирался всё бросить и в этом состоянии лежал дома в кресле-качалке, с моим животным на коленях, я, случайно взглянув вниз, заметил, что с его усов огромной длины капали слёзы. — Были это его слёзы, или мои? — Обладала ли эта кошка с бараньей душой человеческим честолюбием? — Мне не так уж многое досталось в наследство от отца, но вот на эту его часть я могу обратить внимание.

У него двойственное беспокойство — одно от кошки, другое от барашка, хотя они и имеют такой разный характер. Поэтому ему так тесно в его коже. — Иногда оно вспрыгивает на кресло рядом со мной, кладёт передние ноги мне на плечи и придвигается мордой вплотную к моему уху. Кажется, что оно мне что-то говорит, а потом наклоняется и заглядывает мне в лицо, будто пытаясь разглядеть в нём впечатление, произведённое его словами. И чтобы ему угодить, я делаю вид, что понял, и киваю головой. — Тогда оно спрыгивает на пол, и начинает пританцовывать вокруг меня.

Возможно, мясницкий нож был бы для этого животного избавлением, но поскольку я получил его в наследство, то вынужден ему в этом отказать. Поэтому ему придётся ждать, пока оно само собой не перестанет дышать, даже если оно и смотрит на меня разумными человеческими глазами, понукающими меня к разумному действию.